

3. О ДЕТЯХ

(Путевые заметки писателя)

П. Романов

На шахте имени Петровского в Донбассе у меня назначена встреча со стахановцами, ударниками и мастерами угля. Так как на дворе страшная гололедка, от которой все дороги точно покрыты стеклом, то я выехал засветло.

В ожидании начала беседы я сижу во Дворце культуры, в комнате стахановцев.

Эта комната представляет собой зал человек на 200—250. Вдоль стен стоят мягкие диваны. Посредине — стол с га-

зетами и журналами, по стенам — портреты стахановцев шахты и в углу — пианино.

Комната залита электрическим светом.

Привалившись к спинке дивана, я прочитываю журналы, потом задремаю. Дверь тихо скрипнула. Оглядываюсь — и вижу странное маленькое существо в валенках, в лохматой меховой шапке. Не обращая на меня внимания, существо подходит к пианино, ставит на

подставку ноты и начинает играть упражнения, сняв предварительно лохматую свою шапку. По гладко остриженной головенке трудно определить — мальчик это или девочка.

Комната наполняется звуками. Я сижу неподвижно и смотрю на эту маленькую фигурку, которая упорно повторяет трудные пассажи и нажимает валенком педаль.

Не знаю, о чем я думал, но мне было необычайно приятно сидеть в этой большой, ярко освещенной комнате, смотреть на этого ребенка, с таким упорством и серьезностью пробивающего себе путь к искусству.

Противники социализма всегда утверждают, что социализм убивает индивидуальность. Мы все видим, как партия и правительство относятся у нас к развитию индивидуальности. Забота о юных талантах широкой волной разлилась по всей стране.

В Днепропетровске, куда я приехал с Днепростроя, в музтехникуме открыта школа для одаренных ребят, где обучаются несколько десятков талантливейших детей Днепропетровска. Здесь и малолетние дети колхозников, посланные сюда на учебу постановлением жюри областной колхозной олимпиады.

Во всех школах Донбасса устраиваются вечера художественной самодеятельности. А что касается школ, то в одном только Сталинском районе в 36-м году прибавится новых 24 школы. Я видел одну из таких школ в Макеевке. Это целый университет по размерам и оборудованию.

Загадочное юное существо все играет, упорно и твердо повторяя трудные места. Этот маленький человек, очевидно, уже узнал радость достижения.

Вдруг в коридоре раздается какой-то невообразимый шум. Дверь распаивается, и на пороге появляется ватага юных сорванцов.

Оказывается, эти представители неорганизованного населения шахты, которых еще не коснулась облагораживающая стихия искусства, ворвались в

зал под предлогом помочь уборщицам принести стулья для слушателей. Однако, истинные замыслы этой вольницы были раскрыты, и сорванцов изгнали с позором.

С каким презрением и негодованием смотрело на них юное существо, повернув от пианино голову!

Потом я видел, как они унижались, давая нерушимые клятвы вести себя прилично, лишь бы их пустили наверх.

А приедешь на следующий год, и уж наверное двое-трое из этой удалой компании тоже, глядишь, вроде этого юного пианиста обретут серьезность и сдержанную строгость во время занятия любимым делом.

Клуб имени Ленина в Сталино. Это тоже Дворец культуры. Мы поднимаемся наверх по многочисленным лестницам, проходим ряд зал, минуем читальный зал — огромный, светлый, увешанный портретами — и входим в большую комнату.

Кабинет рабочего автора.

Здесь у меня беседа с молодежью и обмен творческим опытом. Пока еще не все собрались, молодежь просматривает у стола газеты, негромко разговаривает. Руководитель, приглашенный из Ленинграда (писатель), посмотрев на часы, приглашает всех к большому столу.

С какой широтой и роскошью построены эти дворцы культуры, и какая чистота в них! Я обращаю внимание на столы со штучными дубовыми вкладками-шашками, вроде мозаики. В кабинете — удобная и красивая мебель.

Руководитель кружка предложил одному из членов кружка прочесть свой рассказ, чтобы этим начать нашу беседу. Я чувствовал себя как-то неловко от ожидания плохого рассказа молодого, неопытного автора, живущего вдали от литературных центров.

Я не буду излагать содержания этого рассказа, так как уверен, что он появится в столичной печати. Рассказ еще шероховат, но меня поразило его построение. Последнее слово рассказа действует на слушателей, как электрический разряд. Мне предлагают про-

слушать второй рассказ. Я уже боюсь, как бы этот не оказался хуже, но и тут я ошибся.

Новелла целиком увлекает слушателя. И совершенно неожиданно, когда слушатель уже уверенно предвосхищает конец, внутренняя логика рассказа толкает его в другую сторону.

Меня больше всего заинтересовало во время этого чтения отношение товарищей к автору. В их взглядах, какие они бросают на слушателя-гостя, как бы стараясь обратить его внимание на ту или иную удачную деталь, видна радость за товарища. Нет и тени зависти, недоброжелательства, насмешки в неудачных местах. Хвалишь одного — все улыбаются, точно похвала относится ко всем.

Это так и есть. Здесь похвала одному означает похвалу всем. Достижение одного означает достижение всего кружка.

Отсюда выйдут писатели будущего советской страны, из этих, пока еще неизвестных коллективов.

В старой школе дарование молодого человека было его частным делом. На помощь ему никто не приходил. А писательство всегда почему-то вызывало насмешки товарищей и недоброжелательное, подозрительное отношение учителей.

Сейчас воспитать, развить дарование — дело государственного и общественного значения.

Кто хочет на реальном примере увидеть, какое будущее ждет детей в Советском Союзе, должен побывать в харьковском Дворце пионеров.

Товарищ Постышев известен своею исключительной любовью к детям и исключительной заботой о них.

Дети и цветы делают жизнь радостной и красивой.

По инициативе П. П. Постышева в Харькове цветы вынесены на улицу. Все ветхие заборы на окраинах снесены и на месте их разбиты скверы с цветами. Цветы везде и в центре города — на грядках, в клубмах, в каменных вазах.

А для детей не пожалели отдать лучшее и роскошнейшее здание ВУЦИК на центральной площади города, превратив его в Дворец пионеров.

Над высоким фронтоном дома стоят шесть фигур пионеров с трубами в позах, в каких трубят сбор.

Мне позвонили из Дворца и просили притти побеседовать с ребятами. За мной пришла одна из руководительниц.

Советские воспитательницы — особенные люди: они всегда полны гордости своим учреждением. Они любят его особенной любовью, как мать своего ребенка, как художник свое произведение.

Это новая черта — гордиться не моим, а нашим. Черта человека социалистического общества. Причем в этом нашем есть своя индивидуальная часть.

Мое в нашем.

Мы подходим к фронтому белого дома.

Вдруг я замечаю у моей спутницы некоторую нерешительность.

— Вот что, — говорит она мне, — мы лучше пойдем не от центра, а с левого крыла.

Я понимаю ее тайную мысль: она не хочет показывать мне сначала лучшее, она хочет все «гвозди» дворца показать под конец.

Мы входим в маленькую боковую одностворчатую дверь с того переулочка, где помещается редакция газеты «Социалистична Харьковщина». Перед нами лестница из светлого дуба. Широкий коридор ведет мимо библиотеки в комнату, где собрались пионеры для беседы.

Здесь музейная чистота и те же спокойные тона светлого дуба. В комнате несколько десятков пионеров. Мы беседуем — оживленно и интересно, потом я читаю свои рассказы: о комсомольце, о пионерке. В заключение одна пионерка произносит от лица всех пионеров речь.

Это дети по возрасту, но взрослые по тому спокойствию и достоинству, с каким они умеют говорить. Я думаю о том, что если эту пятнадцатилетнюю

девочку заставить говорить в большом собрании, то она так же спокойно выйдет на кафедру, перекинет через плечо свою косичку и скажет речь с уверенностью и достоинством зрелого оратора.

Такие же дети 20 лет тому назад не могли двух слов связать.

В этом Дворце я как бы забегаю на несколько лет вперед; здесь я вижу то, что скоро станет обычным явлением для всего Союза.

Мы проходим ряд комнат, в каждой из них мебель соответствует возрасту населения. Столы и стулья от самых крошечных до обыкновенных.

Вспоминается толстовская сказка о трех медведях, где у медведя большой стул, у медведицы поменьше, у медвежонка совсем маленький.

Вот комната для свободных бесед. Посредине персидский ковер, обитый бархатом диван у стены, другой диван за столом, и на диване несколько ребятшек, тихо ведущих о чем-то беседу.

Бархатная дорожка-ковер ведет в следующие комнаты. В одной из них, посредине, стоит в кадке гигантская пальма, на окнах дорогие портьеры, по стенам диваны. Цветы, везде цветы. Здесь царит тишина, чистота и какая-то строгость. Здесь классы индивидуального обучения музыке.

Моя спутница открывает дверь, и мы оказываемся на площадке, откуда виден гимнастический зал.

Спутница моя бросает на меня взгляд, ожидая оценки. Что ж тут оценивать — дело ясное.

Дальше мы идем в студии живописи и лепки, оттуда проходим в зимний сад. Здесь огромные, вероятно столетние пальмы. Оказывается, их в прошлом году привезли из Батума.

Мы проходим через роскошный гостибюль в другое крыло Дворца. Я вижу бесконечное количество всевозможных машин. Здесь есть даже трактор. Ученики обязаны уметь разобрать его и собрать.

Я приглядываюсь к детям. У них у всех преобладает одна черта — отсутствие

«детской» беспомощности. Они ходят по Дворцу, как настоящие хозяева. В них детская жизнерадостность соединяется с серьезностью взрослого человека.

Это граждане младшего возраста.

Вот девочка с косичкой сидит в комнате для занятий, она смотрит в книгу и выписывает из нее что-то. Когда мы входим, она только на мгновение поднимает глаза и опять погружается в свое занятие.

Два маленьких пионера сидят на диване, болтая ногами, которые далеко не достают до пола. Группа пионеров в малом зале для выступлений окружила преподавателя музыки у рояля. Наш приход несколько не отвлекает их от беседы. Они готовятся к предстоящему выступлению.

Зал для уроков ритмики и пластики — большая, светлая комната с узкими диванчиками вдоль стен.

Перед занавесом из синего бархата стоят рядами игрушечного вида стулья. Некоторые уже заняты зрителями.

Кукольный театр. Этих зрителей водят сюда из городских школ поочередно.

Этот Дворец пропускает ежегодно по пяти тысяч детей. Здесь не живут. Здесь только работают, учатся, развлекаются. Дома, в сущности, только спят.

Но где же шум, где безобразия, свойственные детскому возрасту? А равным образом, где грязь от десяти тысяч ног, которые по свойственному им легкомыслию обычно не могут прокутить ни одной лужи, чтобы не исследовать ее глубины или не шлепнуть по ней ногой, чтобы предательски обдать грязью своего доверчивого спутника?

Шума нет, грязи нет. Даже самых незначительных следов ее от башмаков-недомерков нигде не заметно. Полы здесь похожи на полы музея, где посетители надевают на ноги суконные туфли.

Где следы жажды, свойственной буйному детскому возрасту, сажать на белый потолок комки разжеванной бума-

ти, пускать галок из обертки тетрадей с намазанным чернилами носом, чтобы означенная галка угодила или в нос руководителю, или в панель из светлого дуба.

Ничего этого нет.

Но тогда должны быть повсюду слышны крики укротителей, обуздывающих молодые темпераменты.

И этого ничего нет. Я не слышал здесь не только повышенного голоса руководителей, но простого спокойного замечания.

Я не знаю, каким секретом владеют здесь воспитатели будущих граждан Советского Союза. Я вижу только, что этими юными гражданами можно гордиться, несмотря на то, что номера их обуви еще позорно малы.

В этом Дворце есть все, за что может зацепиться человеческое призвание — техника, искусство, наука, и на чем может вырасти яркая человеческая индивидуальность.

С 1 января во Дворце пионера начи-

нает выходит газета в 5.000 экземпляров.

Всевозможным играм и игрушкам занимательного характера, развивающим ловкость, сообразительность, отведено тоже почтенное место.

Мне кажется, что отношение нашей власти к детям должно и для родителей иметь воспитательное значение: нельзя матери к ребенку относиться плохо, когда власть относится к нему так хорошо, иначе в один прекрасный день юный гражданин или гражданка могут высказаться весьма отчетливо:

«Мои родители — товарищ Сталин и правительство, а не вы...».

Должно быть, во всей истории мира это первый случай, чтобы ребенок получил от правительства высшую награду, как, например, пионерка Мамлакат Нахангова.

Старый мир чтит стариков, как свое прошлое, а советская власть чтит и лелеет детей, как свое будущее.